МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

ТЕН ЕН СУН (Жанна Владимировна)
(Сеул)

К проблеме единства понятийного аппарата в преподавании корейского языка русскоговорящим учащимся

В последнее время в связи с возросшим интересом к изучению корейского языка требования к его преподаванию поднялись на принципиально новый уровень. Отсутствие единой системы лингвистических категорий в учебных пособиях по корейскому языку породило терминологическую разноголосицу, причиной которой является то, что теоретическое изучение корейского языка протекало в рамках разных лингвистических традиций. Одна из них — это традиция западного языкознания, на которую опираются корейские лингвисты, другая — это самостоятельная традиция изучения корейского языка, существующая на фундаменте классического русского языкознания. Среди современных российских специалистов в области изучения корейского языка также отсутствует единая общепризнанная система лингвистических категорий, что дает повод говорить о «понятийной катастрофе», т.е. одни и те же явления корейского языка обозначаются и объясняются учеными по-разному. В подобных ситуациях должна проявляться конвенциональная природа лингвистических понятий, диктуемая методологической целесообразностью. При выборе той или иной теоретической концепции программы учебного курса необходимо руководствоваться двумя критериями: во-первых, возможность использовать уже имеющиеся у учащихся общелингвистические познания, во-вторых, открывать перспективы дальнейшего повышения своего уровня владения языком в соответствии с современными принципами непрерывного образования.
Ключевые слова: *преподавание корейского языка*, *лингвистическая терминология*, *понятийный аппарат*, *учебные пособия по корейскому языку*, *лингвистические традиции изучения корейского языка*, *российские корееведы*, *методологическая основа*, *унификация лингвистических терминов в корейском языке*.

В последние годы в России резко возрос интерес к изучению корейского языка. Благодаря развитию сотрудничества наших стран во многих областях, международной торговле, культурным контактам, а также возросшим возможностям жителей России расширять свои языковые познания и навыки корейский язык становится все более востребованным со стороны тех, для кого родным языком является русский.

В связи с этим требования к преподаванию корейского языка русскоговорящим учащимся поднялись на принципиально новый уровень как в количественном, так и в качественном отношении. Возникла объективная потребность в значительно большем количестве преподавателей, учебных пособий, организационных форм обучения. Одновременно с этим перед российским корееведением встал целый ряд вопросов

методологического характера, в том числе связанных с преподаванием корейского языка.

Основной является фундаментальная проблема о связи теории и практики, об отношении к накопленному российскими корееведами понятийно-теоретическому багажу, о возможности, целесообразности и масштабах его использования в практическом преподавании языка. Сегодня многие преподаватели корейского языка в России размышляют и дискутируют о том, следует ли в процессе обучения использовать лингвистические модели и если да, то в каком объеме; в какой форме лучше преподносить учащимся теоретические сведения о языке, как сделать их доступными пониманию неспециалистов, как добиться того, чтобы эти сведения реально помогали учащимся в освоении практических навыков, а не служили лишь ненужным теоретическим балластом, затрудняющим и без того нелегкий процесс изучения нового языка.

В настоящее время в России выпускается и используется значительно большее число учебников и учебных пособий по корейскому языку, чем в период до 1990-х годов. Однако, на наш взгляд, практически каждый из существующих учебников и пособий в той или иной мере несет на себе отпечаток методологических затруднений, связанных с нерешенностью указанных вопросов. В значительной части пособий теоретическая основа полностью отсутствует, эти пособия ориентируют учащихся на заучивание лексики и использование стандартных синтаксических конструкций. Учебники другой категории грешат противоположной крайностью. Они перегружены теорией, многие из содержащихся в них сведений актуальны для тех учащихся, которые планируют стать профессиональными лингвистами-корееведами, но менее интересны для тех, кто подходит к изучению языка, быть может, не менее серьезно, но с другими целями.

При этом в теоретической части учебников второго типа царит терминологическая разноголосица: нередко одни и те же языковые явления получают у разных авторов различные наименования и столь же различное, а порой и противоположное объяснение. Сложившееся положение дает повод говорить о «понятийной катастрофе», подразумевая под этим отсутствие единой стройной системы лингвистических категорий, которая была бы признана всеми российскими специалистами в области корейского языка.

Решение данной проблемы не представляется простым и легкодостижимым. Думается, что даже в том случае, если представители разных подходов предпримут целенаправленные усилия по устранению своих разногласий по множеству вопросов, как частных, так и принципиальных, и достижению общих позиций, они неизбежно столкнутся на этом пути со значительными трудностями.

Источником этих трудностей является тот факт, что в силу ряда исторических причин теоретическое изучение корейского языка протекало в рамках разных лингвистических традиций.

Одна из них — это традиция западного языкознания, опирающаяся на фундаментальные труды таких ученых, как В. фон Гумбольдт, Ш. Балли, К. Бюлер, О. Есперсен, Ф. де Соссюр и др. К этой традиции, в частности, относятся классические работы западных корееведов Ф. Риделя[1], Г. Андервуда[2], Г. Рамстедта[3] и др.

---

[1] *Ridel F.* A Grammaire coréenne. Yokohama, 1881.

[2] *Underwood H.G.* An Introduction to the Korean Spoken Language. Yokohama, 1890.

[3] *Рамстедт Г.* Грамматика корейского языка / Пер. с англ. и примеч. А.А. Холодовича. Под ред. и с предисл. проф. Б.К. Пашкова. М.: Иностранная литература, 1951.

На позиции этих ученых во многом опирались корейские лингвисты (в том числе основоположник корейского языкознания Чу Си Гён). При этом, однако, надо заметить, что корейское языкознание пока не выработало полноценной альтернативы западным подходам.

Наряду с этим в России существует самостоятельная и сильная традиция изучения корейского языка, базирующаяся на трудах представителей классического русского языкознания: А.А. Потебни, Л.В. Щербы, И.А. Бодуэна да Куртенэ, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, И.И. Мещанинова, В.В. Виноградова и др. На принципы и общие подходы, выработанные в рамках этой традиции, во многом опирались и такие авторитетные специалисты в области изучения корейского языка, как А.А. Холодович[4], Ю.Н. Мазур[5] и др.

При этом надо учитывать, что строй корейского языка значительно отличается от строя русского и западноевропейских языков, в связи с чем применимость лингвистического аппарата, выработанного на материале этих языков, к описанию корейского языка всегда вызывала сомнения. Эта задача у разных авторов получала неоднаковые решения, что привело к существованию различных подходов, школ и традиций. Сегодня принадлежность конкретного специалиста к той или иной научной школе, его приверженность определенным подходам в решении тех или иных теоретических проблем определяются во многом тем, кто были его учителя, какой из существующих традиций они придерживались.

Многие специфические явления корейского языка до сих пор не получили удовлетворительного отражения в категориальной системе российской лингвистики. В частности, при переводе на русский язык трудов корейских лингвистов нередко проявляются так называемые лакуны. Они возникают из-за невозможности адекватного обозначения в терминах русской грамматики некоторых корейских конструкций, для которых не существует аналогов в структуре русского языка, а соответственно, отсутствует и теоретическая модель, способная отразить их своеобразие.

Заметим, что в теоретическом языкознании и теории перевода получили отражение в основном семантические лакуны — лексические, коннотативные. Так, И.В. Томашева определяет эмотивную лакуну как «отсутствие в системе языка перевода эмотивного адеквата языка оригинала»[6]. А в более широком контексте лакуны определяются как «национально-специфические элементы культуры, нашедшие соответствующее отражение в языке носителей этой культуры, либо полностью не понимаемые, либо недопонимаемые носителями иной культуры и языка в процессе коммуникации»[7]. Элиминирование таких лакун составляет одну из важнейших проблем перевода в плане адекватной передачи информации, содержащейся в национально специфичных лексических элементах языка.

Что же касается вышеописанной проблемы, возникающей при переводе корейских лингвистических трудов, то в этом случае имеют место как синтаксические и морфологические, так и теоретические лакуны. Первые возникают в силу того, что в рус-

---

[4] *Холодович А.А.* Строй корейского языка. Л.: Тип. арт. «Сов. печ.», 1938.

[5] *Мазур Ю.Н.* Грамматика корейского языка (Морфология. Словообразование): Теоретический курс. М.: Муравей, 2004.

[6] *Томашева И.В.* Понятие «лакуна» в современной лингвистике. Эмотивная лакуна / Язык и эмоции: Сб. науч. тр. / ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1995. С. 57.

[7] Там же.

ском языке отсутствуют конструкции, характерные для корейского языка, вторые — в силу того, что в понятийном аппарате западного (в широком смысле, включая и российское) языкознания отсутствуют адекватные понятия и термины для описания этих явлений корейского языка.

Приведем пример, иллюстрирующий описанную ситуацию.

В монографии Ли Иксопа, Ли Санока и Чхэ Вана[8], переведенной на русский язык В.Д. Аткниным, такое явление, как 조사 *чоса*, описывается как «часть речи, главной функцией которой является обозначение падежа имен существительных, к которым они прикреплены»[9]. Понятие 조사 *чоса* охватывает 격조사 падежные окончания; 접속조사 окончания совместного падежа и их аналоги-дублеты; 보조조사 дериваторы (частицы, присоединяющиеся к именам и несущие функцию дополнения, оттеняя основное значение). Из этого перечня можно заключить, что речь идет о группе окончаний реляционного и деривационного характера. Напомним, что релеваторами в современной лингвистике называют морфологические элементы, выражающие синтаксические связи слов в предложении, а дериваторами — элементы, оттеняющие основное смысловое значение слова. Таким образом, релеваторы выполняют преимущественно синтаксическую, а дериваторы — семантическую функцию. И то и другое можно сказать о формообразовательных элементах, охватываемых категорией 조사 *чоса*. Поэтому лингвистически корректным обозначением для него были бы, на наш взгляд, термины «флексия, окончание», «частица», но не «часть речи». Такое обозначение способствовало бы единообразию в переводе таких составных терминов, как 격조사 и 접속조사 (падежные окончания), 보조조사 (окончания-дериваторы), одним из составных элементов которых является указанный компонент 조사 *чоса*.

Между тем В.Д. Аткнин в своем переводе подводит все случаи 조사 *чоса* под понятие частицы.

В связи со сказанным нельзя не отметить, что в рамках доминирующей в современном российском языкознании научной парадигмы под частицами принято понимать служебные слова, выполняющие главным образом лексико-семантические и прагматические функции. Такой подход окончательно утвердился в 70–80-е годы XX в. в трудах, написанных на материале русского и других европейских языков, И.А. Мельчука, И.М. Богуславского, А.Н. Баранова, И.М. Кобозевой, Г.Е. Крейдлин, А.К. Поливановой, Е.В. Урысон, Т.М. Николаевой, других исследователей, разделяющих позиции московской лингвистической школы. Что же касается 조사 *чоса*, то их основные функции, как сказано, связаны главным образом с формообразованием. Лишь на заре российского языкознания, в частности в «Практической русской грамматике» Н.И. Греча[10], понятие «частицы речи» использовалось в неспецифическом, предельно широком смысле, охватывая все служебные слова, включая союзы и предлоги. Но уже в первой половине XX в. в трудах Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, Д.Н. Ушакова, А.А. Реформатского, Г.О. Винокура, В.В. Виноградова и др. наметилось понимание частиц как особой части речи, обладающей выраженными семантическими и синтаксическими отличиями от остальных служебных частей речи.

---

[8] *Ли Иксоп*, *Ли Санок*, *Чхэ Ван*. Корейский язык. Пер. с кор. В.Аткнина. М.: РОО «Первое марта», 2005.

[9] Там же. С. 197.

[10] *Греч Н.И.* Практическая русская грамматика. СПб., 1834. С. 22–23.

Приходится признать, что достаточно весомые результаты многочисленных работ российских лингвистов последних десятилетий, посвященных исследованию частиц в русском и других европейских языках, практически не нашли никакого отклика в отечественном корееведении, также использующем понятие частицы. С учетом этого факта назрела необходимость сопоставления результатов, достигнутых в рамках двух традиций, с целью достижения понятийно-терминологического единства. Нельзя забывать о том, что российское корееведение, при всей специфичности его предмета, является одной из ветвей отечественной лингвистики и не должно утрачивать живую связь с ее корнями.

Можно привести и немало примеров того, как одни и те же явления корейского языка по-разному обозначаются и объясняются отечественными учеными, придерживающимися разных подходов в рамках корееведения. Причины этого — как в принципиальном отличии строя корейского языка от строя индоевропейских языков, так и в существовании разных подходов к их описанию, о чем говорилось выше.

Так, у авторов наиболее теоретически насыщенных учебников корейского языка для русскоговорящих учащихся до сих пор нет единой позиции по вопросу о категориальной принадлежности слов, образованных присоединением окончаний на 기 (*-ки*) *и* ㅁ/음 (*-м/-ым*) к предикативному корню.

В учебнике И.Л. Касаткиной, Чон Ин Сун и В.Е. Пентюховой для студентов первого года обучения, составленном на основе грамматической концепции, разработанной Ю.Н. Мазуром, эти слова отнесены к субстантивам. «Субстантив, образованный от глагола (отглагольное имя), обозначает отвлеченное имя действия; субстантив, образованный от прилагательного, — отвлеченное имя качества»[11]. Убедительность данного подхода основана на том, что образованные таким образом слова корейского языка склоняются, принимая падежные окончания, т.е. ведут себя как имена существительные. Так, для отглагольных имен, образованных путем присоединения к корню глагола окончания 기 (*-ки*) *и* ㅁ/음 (*-м/-ым*), в русском языке можно указать на аналогичное по своим семантическим и синтаксическим функциям явление в виде отглагольных существительных, обозначающих отвлеченное действие. Ср.: *чтение* (от *читать*), *ожидание* (от *ожидать*), *рисование* (от *рисовать*).

Близкая по сути, хотя и иным образом терминологически оформленная позиция выражена в упомянутом учебнике Ли Иксопа, Ли Санока и Чхэ Вана[12], где именная природа слов на 기 (*-ки*) *и* ㅁ/음 (*-м/-ым*) объясняется через явление номинализации. Под номинализацией понимается явление, когда предложение входит в состав другого предложения и начинает вести себя как существительное[13]. Например, в предложении 농부들이 비가 오기를 기다린다 (с. 266) *Нонъпу-тыр-и ПИ-КА О-КИ-рыл китаринта* фраза 비가 오기 (с. 265) *пи-ка о-ки*, являющаяся результатом присоединения к предложению 비가 온다 (с. 265) *пи-ка о-(нта)* ‘Идет дождь’ номинализатора 기 *-ки*, получает все характеристики имени существительного. Поэтому эта фраза (비가 오기 (с. 265) *пи-ка о-ки*) точно так же выступает в качестве прямого дополнения при глаголе 기다린다 (с. 265) *китаринта* ‘ждет’, как и имя существи-

[11] *Касаткина И.Л., Чон Ин Сун, Пентюхова В.Е.* Учебник корейского языка: Для вузов. М.: Муравей, 2004. С. 151.

[12] *Ли Иксоп, Ли Санок, Чхэ Ван*. Указ. соч.

[13] Там же. С. 265.

тельное 추수 *чхусу* ‘урожай’ в предложении 농부들이 추수를 기다린다 (с. 266) *Нонъпу-тыр-и ЧХУСУ-рыл китаринта* ‘крестьяне ждут урожая’.

Таким образом, корейские языковеды, как и их российские коллеги из школы Юрия Николаевича Мазура, не сомневаются в именной природе слов на 기 (*-ки*) *и* 口/음 (*-м/-ым*).

Иной взгляд на природу этих слов представлен в российских учебниках, авторы которых разделяют в этом отношении позицию другого не менее авторитетного отечественного корееведа — А.А. Холодовича, который назвал эту группу слов инфинитивами. В его труде «Грамматика корейского языка» можно прочесть, что «инфинитив — это склоняемая форма корейского глагола»[14].

Этот подход получил выражение и в ряде современных учебников. Так, В.Н. Дмитриева в своем «Практическом курсе корейского языка» проводит мысль о глагольной природе слов на 기 (*-ки*) *и* 口/음 (*-м/-ым*), так же как и А.А. Холодович, называя их инфинитивами и понимая под инфинитивом склоняемую форму глагола. Эта форма образуется путем присоединения окончания 기 (*-ки*) *и* 口/음 (*-м/-ым*) к корню глагола или временному суффиксу[15].

Близкая позиция выражена в учебнике корейского языка, подготовленном в Дальневосточном университете. Здесь «инфинитив на 기 (*-ки*) *и* 口/음 (*-м/-ым*)» описывается как особая часть речи, которая определяется как «склоняемая форма предикатива, которая образуется присоединением окончаний 口 (после гласных) или 음 (после согласных) к временной основе глагола или прилагательного»[16]. Слова на 기 (*-ки*) *и* 口/음 (*-м/-ым*), как показано в учебнике, склоняются по всем падежам.

Интересно отметить, что авторы дальневосточного учебника и понятие «субстантив» используют в ином смысле, нежели их коллеги, принадлежащие к школе Ю.Н. Мазура. Они называют субстантивом конструкцию 하는 것 *ханнын кот*, констатируя при этом, что «субстантивированные» таким образом глаголы и прилагательные «сохраняют свои категориальные свойства и не переходят в имена существительные»[17]. Но в таком случае возникает законный вопрос: в чем же выражается их «субстантивация»? На этот вопрос учебник не дает ответа.

Возвращаясь к лингвистическим интерпретациям слов на 기 (*-ки*) *и* 口/음 (*-м/-ым*)», отметим, что фактически речь идет о конструкции, строгого аналога которой в русском языке нет. Именно в подобных ситуациях ярче всего проявляется конвенциональная природа научных понятий. По отношению к понятиям лингвистики она проявляется в том, что каждый ученый в рамках своего подхода может использовать те лингвистические модели, которые представляются ему наиболее релевантными рассматриваемой проблеме, а при оценке объяснительных возможностей этих моделей исходить из тех или иных соображений прагматического характера. Сказанное в полной мере распространяется и на определения лингвистических понятий. В рамках научной дискуссии вопрос о том или ином употреблении терминов и понятий лингвистики — это не вопрос правоты или неправоты автора, а вопрос выбора подхода, диктуемый методологической целесообразностью.

---

[14] *Холодович А.А.* Грамматика корейского языка. Пхеньян, 1949. С. 178.

[15] *Дмитриева В.Н.* Практический курс корейского языка. Учебник. М.: Изд-во МГИМО, 1996. С. 89.

[16] *Верхоляк В.В.*, *Галкина Л.В.*, *Кожемяко В.Н.* Учебник корейского языка. Ч. 2. Владивосток: Изд-во Дальневосточн. ун-та, 1998. С. 80.

[17] Там же. С. 82.

Однако в ситуации преподавания иностранного языка, на целесообразность, определяемую чисто научными, исследовательскими мотивами, накладывается целесообразность, диктуемая практической задачей обучения. При выборе категориальной системы должны обязательно учитываться соображения методического характера. В противном случае вполне состоятельная и плодотворная в научном отношении концепция, будучи положенной в основу программы учебного курса, учебного пособия, может оказаться бесплодной и даже вредной, поскольку учащиеся по тем или иным объективным причинам не могут ее адекватно воспринять.

Существуют ли общие критерии выбора теоретической концепции программы учебного курса, учебника?

Исходя из методической целесообразности представляется разумным выдвинуть следующие два критерия: во-первых, возможность в ходе обучения эффективно использовать уже имеющиеся у учащихся общелингвистические познания, во-вторых, возможность для учащегося на базе полученных в курсе знаний и умений продолжить эффективное обучение корейскому языку на более глубоком уровне, в том числе путем самообразования. Объединяя эти два критерия, можно сказать, что преподаваемая дисциплина (в данном случае корейский язык) должна быть органично встроена в общую систему знаний как уже имеющихся у учащегося, так и тех, которые ему еще, возможно, предстоит получить. Таким образом, выдвигаемые критерии созвучны принципам непрерывного образования, лежащим в основе современных образовательных реформ.

Каковы же практические следствия принятия указанных двух критериев? Как их принятие влияет на конкретные решения при выработке методических оснований и разработке программы преподавания корейского языка русскоязычным учащимся?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо вспомнить о том, что в России программа русского языка для общеобразовательных школ традиционно содержит достаточно обширный объем теоретических сведений. Так было и в советский период, и еще ранее, в дореволюционной русской школе (гимназии). Получая базовые знания в области морфологии, синтаксиса, семантики родного языка, учащиеся знакомятся с основными языковыми категориями, общими принципами словообразования, строения предложения. Эти знания становятся частью общей культуры человека, и практически каждый россиянин, сохранивший багаж знаний, полученных в средней школе, имеет хотя бы самое общее представление о частях речи, функциях слова в предложении, основных морфологических компонентах слова и т.д.

Эти базовые представления учащихся можно использовать в качестве опоры, раскрывая особенности строя корейского языка. Можно и, напротив, идти «по пути наибольшего сопротивления», игнорируя эти базовые представления учащихся, употребляя знакомые им со школьных лет понятия вопреки их привычным значениям либо вводя совершенно новые термины вместо известных. Первый путь, при всех прочих равных условиях, несомненно облегчит обучение, позволит ярко продемонстрировать реальные, а не искусственно сконструированные путем усложненных описаний особенности корейского языка и, что самое главное, сформирует у учащихся понимание того, что при всей специфичности этого языка, при всех его отличиях от русского лежащие в его основе самые общие закономерности построения языка объединяют его со всеми языками мира. Выбирая второй путь, мы рискуем посеять

путаницу и непонимание в сознании учащихся, излишне затруднить и без того непростой процесс освоения нового языка.

Исходя из этих общих соображений и возвращаясь к рассмотренным выше примерам, представляется разумным высказать такое чисто методическое соображение, что русскоговорящим учащимся, которые, обучаясь в средней школе, усвоили понятийно-терминологическую систему русской грамматики, весьма трудно осознать такое явление, как склоняемый инфинитив. Ведь в школе их учили тому, что инфинитив — это форма глагола, а парадигма глагола не предполагает склонения. Словоизменительными категориями русского глагола являются категории лица, числа, времени, наклонения и рода (в прошедшем времени и сослагательном наклонении)[18]. Склоняться же могут только имена.

Поэтому когда такие учащиеся читают в учебнике корейского языка, что «функции инфинитива частично совпадают с функциями существительных», благодаря чему «эта форма глагола может быть подлежащим, прямым или косвенным дополнением»[19], то у них складывается впечатление, что корейский язык гораздо более экзотичен, чем это есть на самом деле.

Сходную реакцию может вызвать и понятие «склоняемая форма предикатива», поскольку в русской грамматической традиции предикативами принято называть значимые слова, выполняющие в предложении функцию сказуемого, т.е. само применение понятия «предикатив» характеризует слово не с точки зрения его морфологии, а скорее с точки зрения его места и функций в предложении. С этих позиций уже само по себе выделение какой-либо разновидности предикатива по морфологическим признакам с точки зрения русскоговорящих учащихся может показаться удивительным и непривычным. Описания падежных форм инфинитива, служащих «для выражения синтаксической зависимости одного предикатива от другого»[20], лишь закрепят у русскоязычных учащихся представление о корейском языке как о каком-то чудовищно «неправильном» языке, который буквально переворачивает все привычные грамматические представления, ставит с ног на голову все давно знакомые каждому элементарно грамотному человеку в России понятия школьной грамматики.

В действительности же, как это подтверждают вышеописанные подходы Ю.Н. Мазура и корейских ученых, это совсем не так. Вполне возможно логично и непротиворечиво объяснить явления корейского языка, не разрушая привычных для русскоязычного учащегося грамматических стереотипов и не вызывая у него тем самым культурный шок.

Однако здесь может возникнуть и такой вопрос: а нужна ли вообще теория как таковая в обучении языку, особенно в начальном курсе? Заметим, что большинство авторов учебных пособий исходят из отрицательного ответа на этот вопрос. Всячески избегая любых проявлений теоретического дискурса, они ограничиваются тем, что предлагают для заучивания готовые типовые конструкции, которые можно использовать в разных ситуациях путем подстановки соответствующей лексики, не объясняя

---

[18] Русская грамматика. В 2-х т. Т. I. / Гл. ред. Н.Ю.Шведова / Академия наук СССР. Институт русского языка. М.: Наука,1980, § 1115.

[19] *Дмитриева В.Н.* Указ. соч. С. 89.

[20] *Верхоляк В.В.*, *Галкина Л.В.*, *Кожемяко В.Н.* Указ. соч. С. 80.

учащимся внутренние лингвистические механизмы их функционирования. Этот подход реализован в учебных пособиях по корейскому языку, издаваемых в Республике Корея, а также в целом ряде пособий, вышедших в России.

Не исключено, что данный подход имеет право на существование и вполне приемлем в ситуации, когда человеку необходимо в короткий срок (например, перед скорой поездкой) получить простейшие навыки разговорной речи для использования в стандартных ситуациях. Но если такой человек, овладев стандартными оборотами речи, впоследствии захочет углубить свои познания в корейском языке, ему придется вновь начинать с азов, поскольку без понимания грамматической основы языка он не достигнет необходимой гибкости в его использовании и не сможет продвинуться дальше.

Заметим, что потребности большинства изучающих корейский язык в России не сводятся только к овладению чисто разговорными навыками. И в целом при разработке программ изучения корейского языка нельзя ограничиваться лишь близлежащими целями. Необходимо думать о завтрашнем дне. Это касается как будущего конкретных учащихся, так и завтрашнего дня российского корееведения в целом. Если тот высокий спрос на изучение корейского языка, который мы видим сегодня, сохранится и в будущем (а все объективные факторы указывают на это), то очень скоро мы столкнемся с проблемой нехватки достаточно квалифицированных преподавателей. В России будет масса людей, умеющих кое-как говорить по-корейски, но при этом будет катастрофически не хватать специалистов, владеющих хотя бы азами теории языка, а соответственно, и методики его преподавания, поскольку методика невозможна без теории.

И это не говоря уже о более высоких уровнях компетентности. Уже сегодня в России ощущается острая нехватка молодых корееведов научной квалификации — не только лингвистов, но и специалистов других направлений, в том числе историков, этнографов, культурологов, политологов. Об этом, в частности, пишет в своем обзоре российских центров корееведения ведущий научный сотрудник отдела языков Востока Института востоковедения РАН, руководитель группы языков Дальнего Востока Л.Р. Концевич. Во многих российских научных организациях, занимающихся изучением Кореи, наблюдается огромный перевес сотрудников пожилого возраста и почти полное отсутствие молодых кадров. Так, например, в ИВ РАН в 1990 г. работали 23 специалиста по Корее, а к 2005 г., т.е. всего за 15 лет, их численность сократилась втрое. Как отмечает Л.Р. Концевич, это произошло в основном «по естественным причинам» и из-за отсутствия притока молодых кадров[21] — «почти прекратилась подготовка новых специалистов через аспирантуру: окончившие ее в большинстве своем неохотно идут в науку, предпочитая работу в государственных учреждениях и коммерческих структурах»[22].

Это довольно опасная тенденция, если задуматься о перспективах ее развития. Согласно известному афоризму, теория без практики мертва, а практика без теории слепа, поэтому разрывать их искусственно не следует. Если мы ограничим занятия с учащимися одной лишь практикой, не уделяя должного внимания теории, то мы тем са-

[21] *Концевич Л.Р.* Российские центры корееведения // Библиотека газеты «Сеульский вестник». Сайт института востоковедения РАН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ivran.ru/.

[22] Там же.

мым серьезно затрудним для них путь для возможного дальнейшего развития, повышения своей квалификации.

Из этого и надо исходить всякий раз, когда решаются вопросы о соотношении теории и практики в программе курса корейского языка и о выборе адекватной теоретической основы. Мы не должны перегружать курс теоретическими сведениями в ущерб доступности, но в то же время не должны лишать учащихся возможности более углубленного изучения языка в дальнейшем, если у них возникнет в этом потребность. Иными словами, необходимо грамотно и тонко дозировать теоретические сведения, используя их в качестве необходимого ориентира в обучении, но не превращая практический курс в теоретизирование как самоцель.

К примеру, учебник И.Л. Касаткиной, Чон Ин Сун и В.Е. Пентюховой, в основу которого легли идеи Ю.Н. Мазура, иногда подвергают критике именно на том основании, что он якобы перегружен теоретическими сведениями, не нужными для нефилологов. Данный учебник действительно содержит ряд теоретических понятий, которые в рамках других подходов не используются. Таково, например, понятие «второй основы», которая образуется от корня глагола или прилагательного путем присоединения к корню гармонизирующего аффикса и служит для образования различных грамматических форм, сложных слов, а также употребляется иногда и самостоятельно (например, в функции деепричастия причины)[23]. Введение этого понятия представляется не только теоретически оправданным, но и методически целесообразным, поскольку оно помогает учащимся понять механизм образования различных форм предикатива, а значит, и лучше запомнить и применять их.

И в целом мнение о том, что подобные теоретические сведения в учебнике являются ненужными, лишними, представляется спорным. Преподавателями филологического отделения Института стран Азии и Африки МГУ накоплен немалый практический опыт преподавания корейского языка студентам, среди которых не только будущие филологи, но и будущие экономисты, историки, политологи, причем преподавание ведется именно с позиций концепции Ю.Н. Мазура, а в процессе преподавания используется учебник И.Л. Касаткиной, Чон Ин Сун и В.Е. Пентюховой. И надо констатировать, что студенты, в том числе нефилологи, не испытывают трудностей в понимании теоретических разделов курса. Даже если они и есть у некоторых студентов, то они в гораздо большей степени связаны с практической частью курса, которая требует большой домашней работы, на что у этих студентов зачастую попросту не хватает времени и усердия. Но это специфика изучения любого иностранного языка.

Сказанное не означает, что подход, реализованный в указанном учебнике, применим на всех образовательных уровнях. Как уже сказано, учащиеся могут преследовать разные цели, предполагающие разный объем теоретических знаний. В связи с этим одной из стратегических задач разработки общей концепции преподавания корейского языка в России является диверсификация учебных программ как по уровню даваемых знаний и навыков, так и по содержательной ориентации, связанной с профессиональной специализацией учащихся. Понятно, что, например, программа курса корейского языка для будущих филологов должна отличаться от программы для будущих экономистов.

---

[23] *Касаткина И.Л.*, *Чон Ин Сун*, *Пентюхова В.Е.* Указ. соч. С. 143.

Но независимо от уровня и специализации курсов необходимо концептуально решить вопрос о единой базовой основе, минимальном наборе наиболее общих теоретических представлений о структуре корейского языка, его основных грамматических категориях, как и об основных особенностях системы национально-культурных ассоциаций, поскольку без базовых лингвострановедческих представлений невозможно полноценно активизировать лексические значения в процессе пользования языком. Такая минимальная базовая основа должна содержаться в любом курсе, независимо от его объема и содержательной направленности.

Указанные теоретические представления у каждого, кто соприкоснулся с корейским языком, должны быть ясными, понятными и непротиворечивыми. Они должны, с одной стороны, вписываться в систему знаний, уже имеющихся у учащегося, в первую очередь его элементарных лингвистических познаний, полученных в школе и составляющих элемент общей культуры, с другой стороны, открывать перспективы дальнейшего повышения уровня владения языком в соответствии с современными принципами непрерывного образования.

Список литературы

Верхоляк В.В., *Галкина Л.В.*, *Кожемяко В.Н.* Учебник корейского языка. Ч. 2. Владивосток: Изд-во Дальневосточн. ун-та, 1998.

Дмитриева В.Н. Практический курс корейского языка. Учебник. М.: Изд-во МГИМО, 1996.

Касаткина И.Л., *Чон Ин Сун*, *Пентюхова В.Е.* Учебник корейского языка: Для вузов. М.: Муравей, 2004.

Концевич Л.Р. Российские центры корееведения // Библиотека газеты «Сеульский вестник». Сайт Института востоковедения РАН. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iv-ran.ru/. Дата обращения: 15 ноября 2011 г.

Ли Иксоп, *Ли Санок*, *Чхэ Ван*. Корейский язык / Пер. с кор. В. Аткнина. М.: РОО «Первое марта», 2005.

Мазур Ю.Н. Грамматика корейского языка (Морфология. Словообразование): Теоретический курс. М.: Муравей, 2004.

Рамстедт Г. Грамматика корейского языка / Пер. с англ. и примечания А.А. Холодовича. Под ред. и с предисл. проф. Б.К. Пашкова. М.: Иностранная литература, 1951.

Русская грамматика. В 2-х томах. Т. I. / Гл. ред. Н.Ю.Шведова / Академия наук СССР. Институт русского языка. М.: Наука, 1980.

Томашева И.В. Понятие «лакуна» в современной лингвистике. Эмотивная лакуна // Язык и эмоции: Сб. науч. тр. / ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1995. С. 50–60.

Холодович А.А. Грамматика корейского языка. Пхеньян, 1949.

Холодович А.А. Строй корейского языка. Л.: Тип. арт. «Сов. печ.», 1938.

Ridel F. A Grammaire coréenne, Yokohama, 1881.

Underwood H.G. An Introduction to the Korean Spoken Language. Yokohama, 1890.